

ties for their implementation, as well as real risks, challenges, and threats. Analysis of spatial development dynamics for the past 30 years and resettlement of the country's population has been given. Economically active population structural shifts and intellectualization are proposed to include Kazakhstan among the highly developed world countries.

Key words: *Eurasia, territory, geopolitics, priorities, risks, region, transformation, paradigm, conflict, situation.*

УДК 911.3

Стрелецкий В.Н.

Институт географии Российской академии наук, г. Москва

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСИ И ГЛАВНЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация. *Рассматриваются особенности и важнейшие тренды трансформации социокультурного пространства России в первые десятилетия XXI века. Выявлены характерные особенности социо- и культурно-географической дифференциации в современной России по оси «центр-периферия». Особое внимание уделено сдвигам в этническом расселении и их культурно-географическим последствиям. Проведено сравнение социо- и этнокультурных сдвигов в российском пространстве по географическим осям запад-восток и север-юг.*

Ключевые слова: *Россия; социокультурное пространство; этнотерриториальные сдвиги; географические оси дифференциации; пространственная поляризация.*

Задача доклада и подготовленной к нему краткой статьи — обзор и анализ важнейших трендов трансформации социокультурного пространства России в постсоветский период, с особым акцентом на сдвиги, произошедшие за первые десятилетия XXI века.

В социокультурном пространстве России находят отражение и природно-ландшафтные особенности страны, и специфика ее исторического развития. Характерная социокультурная черта российского пространства — огромная *рассредоточенность населения*. Об этом много писали немецкий антропогеограф А. Геттнер [1], классики русской антропогеографии А.А. Крубер [2], В.П. Семёнов-Тян-Шанский [3] и другие мыслители. По их мнению, отсутствие в Северной Евразии резких природных рубежей, преград на пути миграций населения и суровые, порой малопригодные для постоянного обитания людей условия предопределяли дисперсность расселения, разрежённость и рассредоточенность социума. Зачастую этим и объясняют сравнительно слабые связи между территориальными сообществами.

ми разного типа, культурными, социально-экономическими и хозяйственными комплексами в России.

Вторая важнейшая особенность российского социокультурного пространства — его *гиперцентрализация*. Его вертикальная, иерархическая, в известном смысле — «*статусная*» (крупный город — средний город — малый город — село) дифференциация, во многих отношениях «сильнее», выраженнее, очевиднее дифференциации плоскостной, горизонтальной, *региональной*. «Статусные» различия в российском пространстве — не просто демографические, экистические, экономико-географические; они носят, прежде всего, именно *социокультурный характер*. Соответственно, при описании местонахождения какого-либо локуса в российском пространстве (особенно в пределах русского этнического мегаядра) определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному району, но, скорее, его собственный статус и близость к крупному центру [4]. Крупные города и глубинка (внутренняя периферия) в России — это по многим признакам разные социокультурные миры¹.

После распада СССР, в условиях глубокой социокультурной трансформации страны, эти различия стали еще более отчетливыми и очевидными. Релевантные сдвиги хорошо прослеживаются по оси «*центр-периферия*». Их социокультурная поляризация, резко выросшая в конце прошлого столетия, еще более усилилась за первые десятилетия XXI века. Крупнейшие города, претерпевшие за постсоветский период масштабную постиндустриальную модернизацию (особенно города федерального значения), стали главными в стране очагами концентрации среднего класса. В Москве и Санкт-Петербурге его удельный вес в общей численности их жителей превысил 2/5 к 2020 г.; доля лиц, имеющих высшее образование среди горожан старше 15 лет, достигла 45% и 41%, что намного больше, чем любом другом городе РФ. Именно крупные города стали в последние двадцать лет главными аренами массового распространения Интернета, развития креативных видов деятельности, проводниками социальных, институциональных, технологических, культурных инноваций.

---

¹ Как показано в работах Н.В. Зубаревич [5 и др.], условно можно говорить о «четырёх Россиях». Таковы: 1) наиболее модернизированные крупные города, прежде всего, «миллионники»; 2) менее крупные и средние города (многие из которых сохранили промышленную специализацию, унаследованные черты образа жизни населения и ценностных установок советской эпохи); 3) традиционалистская периферия большинства «русских» регионов страны (с депопулирующей сельской местностью и малыми городами); 4) экономически слаборазвитые и отличающиеся яркой этнокультурной спецификой республики Северного Кавказа и Юга Сибири.

На этом фоне быстро депопулировали и деградировали многие регионы сельского и мелкогогородского расселения на внутренней и внешней периферии, как в Европейской, так и в Азиатской России. В этом отношении социокультурная поляризация пространства России шла синхронно с социально-экономической поляризацией [6].

Не менее важным был и другой вектор социокультурной геодинамики в постсоветский период — существенное «переформатирование» *этнокультурного пространства* страны. Россия — страна полиэтничная и поликонфессиональная. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.¹, в ней жили представители 160 этнических общностей, и их число неуклонно росло. По России в современных границах оно существенно выше, чем в переписях XX в. по всему бывшему СССР (кроме переписи 1926 г.). Этнокультурное многоцветье страны определяет и специфику общероссийской гражданской идентичности, и вызовы последней, на которые в ходе национально-государственного строительства приходится искать адекватные ответы.

Постсоветские миграции усилили этнокультурный плюрализм России. Наряду с переселением этнических русских (они преобладали среди иммигрантов в 1990-е годы) отмечен приток в страну носителей других народов и культур, особенно из стран Центральной Азии и Южного Кавказа. При этом полиэтнизм сочетался с наличием крупнейшего этноса, но за последние полвека его преобладание стало менее выраженным. Доля русских в населении РСФСР–РФ сократилась с 83.3% в 1959 г. до 81.5% в 1989 г. и 77.7% в 2010 г.

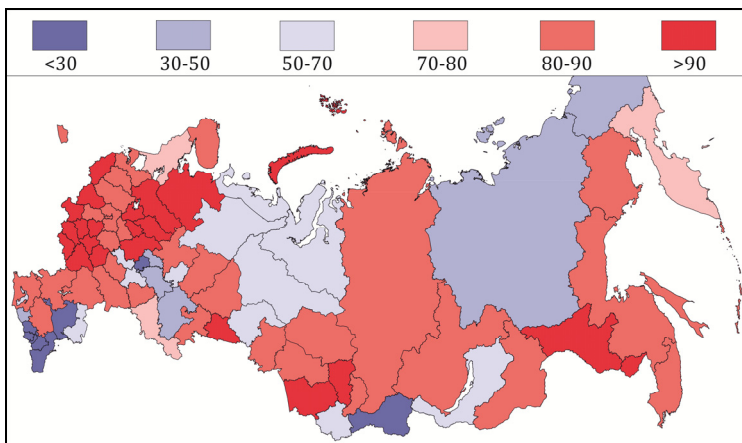
Контуры *русского мегаядра* страны не всегда соответствуют административным рубежам территориального массива «русских» областей и краёв, хотя республики в составе России в мегаядро обычно не входят. Статус субъекта РФ — не единственный критерий его принадлежности к мегаядру: к нему отнесены те регионы, где доля русских превышает 80% [4]. В «русских» регионах она зачастую ещё выше, а почти в двух десятках областей превышает 90%. (рис. 1). За период между Всесоюзной переписью населения 1989 г. и Всероссийской переписью 2010 г. контуры русского мегаядра почти не изменились. Однако число регионов с долей русского населения более 90% уменьшилось в центре и на северо-западе Европейской России из-за массового притока мигрантов в Московскую и Петербургскую агломерацию и в ближайшие к ним регионы.

Тем не менее, сдвиги в этническом расселении за постсоветский период довольно значительны. Важнейшей тенденцией конца XX — начала XXI в. стала концентрация основных нерусских народов в своих национально-

---

¹ Сведения о национальном составе населения дают его переписи, однако итоги последней (осень 2021 г.) к моменту написания статьи не публиковались.

государственных образованиях (рис. 2), то есть стягивание «титულных» народов республик в составе Российской Федерации к этим этническим территориям. Данный процесс усилил этнокультурную поляризацию (асимметрию) российского пространства. Важно и то, что многие этнорегионы расположены компактно, образуя обширные сгустки или кластеры. Таковы Горский Северный Кавказ, Урало-Поволжская мультикультурная область, Южно-Сибирский тюрко-монгольский пояс. У местных этносов своя историческая память, культурные традиции, социальные институты, религиозная специфика, их образ жизни во многом отличается от образа жизни русского населения.

Рис. 1. Доля русских в общей численности населения субъектов Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (в %).

Рассчитано и составлено автором по данным: [9]

Важен и этнодемографический аспект. У разных этносов в разных регионах страны демографическая динамика неодинакова. В республиках Северного Кавказа и соседней Калмыкии в постсоветский период шёл процесс коренизации населения: удельный вес титульных этносов рос, а доля русских снижалась в ходе как естественного прироста, так и миграционного оттока. С 1989 по 2010 г. доля русских в Карачаево-Черкесии упала с 42 до 31%, в Калмыкии — с 38 до 30%, в Кабардино-Балкарии — с 32 до 22%, в Северной Осетии — с 30 до 21%. На востоке Северо-Кавказского округа показатели ещё ниже: в Дагестане к 2010 г. она упала до 3,6%, в Чечне — до 1,9%, в Ингушетии — до 0,8% (абсолютный минимум среди субъектов РФ). Те же тенденции, но несколько слабее выражены в сибирских респуб-

ликах, Татарстане, Башкортостане. Демографическая динамика угрофинских народов была иной: у них рождаемость обычно уступала смертности и удельный вес «своих» в населении республик сокращался, как в Урало-Приволжье (за исключением Мордовии в 2002–2010 гг.), так и на севере Европейской России (в Карелии, Коми). Демографическое поведение этнических групп — во многом социокультурный феномен, сильно дифференцированный географически.

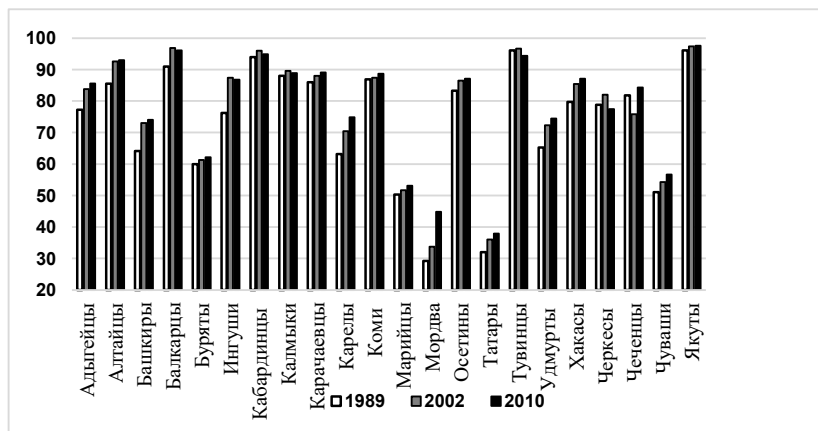

Рис. 2. Концентрация «титulyных» народов национальных республик России в «своих» национально-государственных образованиях, % к их населению (кроме народов Дагестана). Рассчитано и составлено автором по данным: [7, 8, 9]

Возрождение религиозной жизни, затронув все российские конфессии, от мировых религий до языческих культов народов Сибири, Урало-Поволжья, также стало фактором культурной поляризации пространства России. И мусульманский «ренессанс», и быстрый подъём буддизма при сравнительной широте их географии затронули в первую очередь те регионы, для народов которых ислам и буддизм традиционны. Если взаимодействие христианства и ислама (двух авраамических религий, восходящих к единому корню и имеющих сходные черты) происходило в России на протяжении веков и было значимо для многих территорий, то с буддизмом всё иначе. Буддистские регионы всегда занимали и отчасти сохранили сравнительно обособленное положение в российском пространстве. Это очень характерно для Тувы, сохранившей (при её исторически небольшом сроке пребывания в составе России) яркую социокультурную специфику. Буря-

тия и Калмыкия испытали большее российское культурное влияние. При этом регионы ислама (особенно северокавказские) и буддизма, будучи неотъемлемыми частями России как государства, в культурно-географическом отношении выступают частями обширных контактных зон, соединяющих нашу страну с сопредельными, относящимися к иным цивилизационным пространствам.

Большое значение имели в постсоветский период и сдвиги в социокультурном пространстве России по осям его широтной и меридиональной дифференциации. Различия *Запад-Восток* — одна из двух ключевых географических «макроосей» российского социокультурного пространства. Исторически эта ось фиксировала географический вектор продвижения российской цивилизации с равнин Восточной Европы (ее «месторазвития») в Северную Азию. На протяжении всей имперской и большей части советской эпох отечественной истории доля Азиатской России в общей численности населения страны неуклонно возрастала, но за позднесоветский и особенно постсоветский периоды она сократилась примерно с 1/4 до 1/5. Соответственно, существенно уменьшился ее не только демографический, но и социокультурный потенциал. Другим новым трендом стал постепенный генезис в постсоветский период, и именно к востоку от исторического макроядра страны, макрорегиональных культурных идентичностей (уральской, сибирской, дальневосточной) [10–15]. В советский период элементы таковых, если и существовали, то только в латентном состоянии; при этом они совершенно не исследовались и не фиксировались. Усиление восточного вектора в пространственном развитии России может иметь большое значение для социокультурного развития восточных регионов страны в 2020-е годы. Едва ли можно ожидать какого-либо перераспределения социокультурного потенциала в пользу Азиатской России, но прекращение ее нарастающей депопуляции вполне вероятно.

Ось социокультурной дифференциации *Север-Юг* хорошо выражена в широтной зональности не только природы, но и общества. В Европейской России лесостепной и степной Юг на протяжении нескольких веков резко отличался от исторического нечерноземного ядра Великороссии в социокультурном и этнокультурном отношении; как известно, отечественные этнографы в XIX и начале XX вв. выделяли «новороссов» Юга России как отдельный народ, наряду с великороссами, белорусами и украинцами. Культурно-политическое противостояние Юга Северу также имеет в нашей стране многовековую историческую традицию. Кроме того, экономически слабо развитые республики Северного Кавказа и Южной Сибири привносят в социокультурный контекст Юга страны и важнейшую этнокультурную составляющую. В постсоветский период Юг России (особенно Северный

Кавказ) резко выделялся в демографическом отношении (что существенно изменило в его пользу демографические пропорции за последние тридцать лет), оставаясь при этом на более ранней стадии модернизационного перехода и сохраняя многие патриархально-клановые структуры и другие традиционные социокультурные институты [16]. В Европейской России парадоксальным проявлением этого феномена становится своеобразная интерференция двух векторов: «чем южнее, тем “восточнее” в этноконфессиональном смысле» [17].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Геттнер А. Европейская Россия: Антропогеографический этюд / Пер. с нем. Л.Д. Синицкого. М.: Изд-во журнала "Землеведение", 1907. 174 с.
2. Крубер А.А. Опыты разделения Европейской России на районы // Землеведение. 1899. Кн. 3/4. С. 175–184.
3. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии // Записки ИРГО по отд. статистики. Т. 10. Вып. 2. СПб.: Типография Киришбаума, 1910. 212 с.
4. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные проблемы развития и пространственной трансформации российской Системы // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография / Отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. М.: Инфра-М, 2020. С. 84–134.
5. Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/
6. Нефёдова Т.Г., Стрелецкий В.Н., Трейвиш А.И. Поляризация социально-экономического пространства современной России // Вестник РАН. 2022. №6 (в печати).
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. 747 с.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. 2076 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. М.: Госстатиздат, 2012. 2234 с.
10. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

11. Головнёва Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // Изв. Уральского федер. ун-та. 2017. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 161, № 12 (1). С. 144-153.
12. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или парадоксы региональной самоидентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116-129.
13. Жигунова М.А., Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Региональный вариант сибирской идентичности // Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 48-62.
14. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 6. С. 37-47.
15. Назукина М.В. Мифы и реальность дальневосточного регионализма: внешний образ и идентичность макрорегиона // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 2. С. 195-204.
16. Стрелецкий В.Н. Этнокультурный плюрализм Северного Кавказа в контексте «вызовов» и трендов модернизации традиционного общества (социо- и культурно-географические аспекты) // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / Сб. науч. статей / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 87-101.
17. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

Vladimir N. Streletsky

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

GEOGRAPHICAL AXES AND MAIN TRANSFORMATION VECTORS OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF RUSSIA IN THE EARLY 21ST CENTURY

Annotation: *The most important features and major trends in the transformation of the sociocultural space of Russia in the first decades of the 21st century are considered. The characteristic features of socio- and cultural-geographical differentiation in contemporary Russia along the “center-periphery” axis are revealed. Particular attention is paid to shifts in ethnic settlement and their cultural and geographical consequences. A comparison of socio- and ethno-cultural shifts in the Russian space along the geographical axes west-east and north-south is carried out.*

Keywords: *Russia; socio-cultural space; ethnic geographical shifts; geographical axes; spatial polarization.*
